

Котабо

Лексикон ускользающих вещей

Котабо

Лексикон ускользящих вещей

«Автор»

2026

Котабо

Лексикон ускользающих вещей / Котабо — «Автор», 2026

Перед вами — лексикон того, что нельзя взвесить, но можно увидеть во сне. Двадцать легенд, каждая из которых измеряет неуловимое: дружбу и любовь, одиночество и надежду, стыд и свободу, время и память... Здесь тишина становится тёплой, страх превращается в сторожевого пса, а смерть оказывается точкой в предложении, которое не жаль закончить. Эти сны написаны лунным светом — для тех, кто не боится ускользающих вещей. Откройте любую страницу — и луна зажжётся для вас.

© Котабо, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Легенда про сон, где дружба измеряется в лунном свете	5
Легенда про сон, где любовь измеряется временем между двумя вдохами	7
Легенда про сон, где одиночество измеряется количеством дверей, которые не скрипят	9
Легенда про сон, где детство измеряется количеством шёпота, который не забыл, куда спрятался	11
Легенда про сон, где тишина измеряется количеством не выпавшей ртути	13
Легенда про сон, где дом измеряется количеством дверей, которые не заперты, но и не открыты	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Котабо

Лексикон ускользящих вещей

Легенда про сон, где дружба измеряется в лунном свете

(фрагмент, приснившийся одному из трёх переводчиков, но никто не помнит, кому именно)

1.

Во сне луна никогда не светит одинаково. Иногда она — как старая монета, которую держали в руке много людей. Иногда — как ноготь, который собираются отрезать, но всё откладывают. В ту ночь луна была похожа на трещину в небе. И из этой трещины сочился свет, которым можно было измерять не длину, не вес, а то, что между людьми.

2.

Сновидцу показали комнату. В комнате стояли двое. Они не говорили, не смотрели друг на друга. Просто сидели на расстоянии вытянутой руки, но рук не вытягивали. Лунный свет втекал в щель под дверью, растекался по полу и начинал подниматься — как вода, которая забыла, что должна течь вниз.

Когда свет достиг колен первого, второй чуть повернул голову. Этого поворота хватило, чтобы свет стал чуть гуще. Когда свет дошёл до груди, они оба одновременно вздохнули — и свет разделился на две нити. Каждая легла на плечо своему человеку. И замерла.

3.

Тогда появился Голос. Его нельзя было приписать ни мужчине, ни женщине, ни животному, ни ветру. Голос сказал:

— Дружба измеряется не в часах, не в слезах, не в подарках. В лунном свете она измеряется так: от нижнего края страха до верхнего края молчания.

Сновидец не понял. Но луна поняла.

4.

Ему показали другой сон. В этом сне человек спал на левом боку, а его друг спал за три тысячи километров, на правом. Между ними не было ничего, кроме ночи. Но луна в том городе и луна в этом городе были одной и той же луной. И она посчитала расстояние: не в километрах, а в том времени, за которое одна душа успевает вспомнить другую до того, как проснётся.

Расстояние оказалось равным трём вдохам. Это очень мало для географии. И очень много для будильника.

5.

Сновидец осмелел и спросил:

— А как измерить дружбу, которая уже кончилась?

Луна на мгновение стала квадратной. Это был знак, что ответ будет неудобным.

— Кончившаяся дружба, — сказал Голос, — измеряется лунным светом, который упал на пустой стул. Тот свет не толще волоса, но он виден даже днём. Потому что дневной свет не может его погасить. Он может только сделать его прозрачнее. А прозрачное — это не значит отсутствующее.

6.

Потом сновидец увидел третье: двух людей, которые давно умерли. Они лежали в разных могилах, в разных веках. Но луна в их сновидениях была общей — старой, как трещина на пер-

вом кувшине. И свет между ними шёл не от луны к земле, а от одного умершего к другому. Это был самый чистый лунный свет, потому что в нём не было примеси дыхания. Только память.

Голос сказал на ухо (хотя уха у сновидца не было):

— Запомни: мертвые дружат дольше живых. Потому что у них нет выбора — забыть или позвонить. У них есть только свет. И они не жадничают.

7.

Перед пробуждением луна вошла в комнату полностью — не как свет, а как предмет. Она опустилась на пол, покатила к порогу и остановилась. На её поверхности были видны чьи-то следы. Босые. Разного размера. Один след был глубже — значит, тот человек был тяжелее или сильнее наступал. Другой — едва заметный, краешком стопы, как будто боялся испачкать.

Сновидец хотел спросить, чьи это следы, но уже просыпался. И в ту секунду между сном и явью он понял: это следы всех, кого он когда-то называл другом. И все они — даже самые лёгкие — оставили вмятины на луне. А луна терпит. Потому что луна — это и есть старая дружба, на которой уже не помещаются новые следы, но старые она хранит как морщины.

8.

Утром он не мог вспомнить лиц. Но на подоконнике лежала тонкая, как волос, полоска лунного света. Хотя было восемь утра и солнце давно взошло. Он не стал её смахивать. Он просто сказал:

— Сегодня я буду класть лишнюю чашку на стол. И не буду объяснять, для кого.

Луна на это никак не ответила. Она умеет молчать так, что это молчание становится единственно правильным ответом.

Легенда записана со слов человека, который поклялся, что ему это приснилось. Но поскольку во сне клятвы не имеют силы, мы печатаем этот текст без гарантий. Только как лунный свет. Который, как известно, врёт ровно настолько, насколько правда.

Легенда про сон, где любовь измеряется временем между двумя вдохами

(снилось тому же переводчику, но он поклялся, что никогда не влюблялся — значит, ему всё приснилось, а правда осталась у тебя)

1.

В ту ночь луна была не одна. Рядом с ней висела вторая — поменьше, чуть зеленоватая, как яблоко, которое упало в траву и ждёт, когда его поднимут. Сновидец лежал на спине и смотрел вверх, а две луны медленно вращались вокруг друг друга, как две капли на паутине, которые никак не решатся упасть.

Голос из предыдущего сна (тот самый, без пола и возраста) сказал:

— В прошлый раз ты спрашивал о дружбе. Теперь спроси о любви. Но предупреждаю: ответ будет короче, потому что любовь не любит много слов. Она любит паузы.

2.

Сновидец спросил:

— Как измерить любовь?

И ему показали часы. Но не обычные. У этих часов не было стрелок, а циферблат был из воды. Вода то замерзала, то оттаивала, и каждый раз, когда она становилась льдом, на нём проступала цифра. Цифры были не 1, 2, 3, а: «сейчас», «ещё», «почти», «никогда», «помнишь?», «забудь».

— Эти часы, — сказал Голос, — заводятся от первого взгляда. А останавливаются не тогда, когда любовь кончается, а когда кончается умение удивляться. Удивление — это пружина. Некоторые любви заводятся один раз на всю жизнь. Некоторые — каждое утро заново.

3.

Потом ему показали два дерева. Они росли из одного корня, но стволы разошлись в разные стороны, а ветви наверху снова сплелись. Между стволами было расстояние — человек мог пройти, не задев плечами. Но в этом промежутке висело что-то невидимое. Тёплое. Похожее на выдох, который задержали на полпути.

— Это любовь, — сказал Голос. — Не слияние. Не разделение. А точное расстояние, на котором можно дышать. Если подойти слишком близко — задохнёшься. Если отойти — замёрзнешь. Настоящая любовь знает градус и миллиметр. И никогда не ошибается.

4.

Сновидец осмелел (во сне смелость всегда больше, чем наяву) и спросил:

— А что больше: невзаимная любовь или взаимная, которая кончилась?

Голос помолчал так долго, что луна успела дважды моргнуть (у луны есть веки, просто их никто не видит).

— Невзаимная любовь — это как смотреть в колодец, в котором есть вода, но ты не можешь достать. Ты знаешь, что она есть, и от этого жажда только сильнее. А кончившаяся взаимная любовь — это когда ты выпил воду, колодец высох, а ты всё возвращаешься и кладёшь руку на сухое дно. И тебе кажется, что ты чувствуешь влажность. Это влажность твоей собственной ладони. И это самое печальное из всего, что я видел.

5.

Потом сновидцу показали комнату без стен. То есть стены были, но прозрачные, как стекло, за которыми ничего нет. В комнате стоял человек и смотрел на дверь. Дверь была обычной, деревянной, с царапинами. Человек ждал. Не говорил, не плакал, не звал. Просто стоял и смотрел.

Сновидец спросил:

— Он ждёт любовь?

— Нет, — ответил Голос. — Он уже в любви. Потому что любовь — это не когда приходят. Любовь — это когда дверь остаётся приоткрытой. Даже если никто не входит уже много лет. Даже если за дверью — пустой коридор и выключенный свет. Щель в полпальца — это и есть любовь. Всё остальное — гость или хозяин.

6.

В третьем сне (сны внутри сна — это самые правдивые) сновидец увидел старуху и младенца. Старуха держала младенца на руках, но не прижимала к груди, а держала на вытянутых руках, как драгоценность, которую боишься раздавить. Младенец смотрел на старуху. И в этом взгляде не было ни умиления, ни узнавания. Был просто чистый свет, как вода, которая не помнит, что была льдом.

Голос сказал тихо (впервые тихо):

— Это одна и та же любовь. В начале жизни она называется «я тебя выбрал, хотя ты меня не выбрал». В конце — «я тебя помню, хотя ты меня уже не помнишь». Между ними — все остальные названия. Они не важны.

7.

Перед пробуждением луны (обе) сошлись в одной точке. Зелёная вошла в жёлтую, и получился свет, которого нет в природе. В этом свете сновидец увидел собственное сердце. Оно билось не как насос, а как колокол. И каждый удар оставлял в воздухе букву. Буквы складывались в имя. Но имя было неразборчивым, потому что удары мешали друг другу.

Голос улыбнулся (сновидец услышал улыбку — такое бывает только во сне).

— Вот твоя любовь, — сказал Голос. — Она не для измерения. Она для того, чтобы стучать. Даже когда никто не слышит. Даже когда сам не понимаешь, чьё имя выбиваешь. Стук — это и есть любовь. Остальное — декорации, постельное бельё, билеты в кино и ссоры из-за невымытой посуды.

8.

Сновидец проснулся с одним ощущением: между его левой и правой рукой было расстояние ровно в одну спичку. Не больше, не меньше. Он не знал, что это значит. Но в течение дня он трижды ловил себя на том, что пытается положить что-то в эту пустоту. Чашку. Телефон. Ладонь другого человека.

Ничего не помещалось. Потому что пустота была уже занята. Тем, что не имеет имени, но имеет вес.

Вес одной спички, которая ещё не зажжена. Или уже догорела до середины и ждёт, когда её задуют.

Легенда записана со слов того же человека. На вопрос «ты когда-нибудь любил?» он ответил: «Я не помню. Зато я помню сон, в котором меня никто не спрашивал о любви. И это был самый любящий сон в моей жизни». После этого он улыбнулся и ушёл. В ту сторону, где луна ещё не вошла, но уже знает, что ей придётся.

Легенда про сон, где одиночество измеряется количеством дверей, которые не скрипят

(снилось тому, кто проснулся и не сразу понял, что в комнате никого нет. А когда понял — не огорчился. И это самое странное)

1.

В эту ночь луна вообще не взошла. Не потому, что скрылась за тучами, а потому, что забыла, зачем подниматься. Сновидец лежал в полной темноте и слышал, как тишина имеет густоту. Она не была пустой. Она была наполненной — как комната, из которой только что вышли все, но оставили тепло на стульях.

Голос (тот же, но теперь без всякой окраски, просто шёпот на грани слышимости) сказал: — Сегодня мы не будем измерять. Сегодня мы попробуем не измерить. Потому что одиночество — это единственная вещь, которая становится меньше, когда её не трогаешь.

2.

Сновидцу показали пустую комнату. Но пустую не значит — необитаемую. В углу стояло кресло, в котором кто-то сидел раньше, потому что на сиденье сохранилась вмятина. На стене висело зеркало. В зеркале никого не было, но отражение самой комнаты было чётче, чем комната. Словно зеркало жило своей жизнью и не нуждалось в оригиналах.

— Это одиночество первого рода, — сказал Голос. — Комната, которая привыкла к одному человеку и не требует других. Кресло помнит спину. Зеркало помнит лицо. Этого достаточно для счастья. Такое одиночество не плачет. Оно курит в форточку и не выбивает пепел.

3.

Потом ему показали океан. Не берег, не волны, а именно середину океана — там, где нет ни суши, ни дна, ни даже направления. На поверхности качалась лодка. В лодке сидел человек и смотрел на горизонт. Горизонт был круговым — куда ни глянь, везде линия, до которой никогда не доплыть.

Сновидец спросил:

— Это одиночество?

— Это одиночество второго рода, — ответил Голос. — Когда вокруг много пространства, но нет ни одного предмета, на который можно опереться взглядом. Такое одиночество называют «свободой», чтобы не плакать. Но человек в лодке не плачет. Он просто считает волны. Он знает, что если прекратит считать, то станет волной сам.

4.

В третьей сцене не было ни комнаты, ни океана. Был коридор. Бесконечный, с множеством дверей по обеим сторонам. Сновидец пошёл по коридору. Двери были разные: деревянные, стеклянные, железные, занавешенные тканью. Он толкал одну за другой. Все двери открывались легко, но за каждой была стена. Не комната, не пространство — просто кирпич в сантиметре от дверного косяка.

Он обернулся. Коридор за ним исчез. Исчез и начало, и конец. Остались только двери, и он между ними.

— Одиночество третьего рода, — сказал Голос. — Когда у тебя есть выбор, но все выборы приводят в одну и ту же стену. Это не больно. Это утомительно. Через какое-то время ты перестаёшь открывать двери. Ты просто идёшь по коридору и гладишь ручки. Они тёплые от твоих же прикосновений.

5.

Сновидец спросил (голос у него дрожал, но ему было не стыдно):

— А одиночество среди людей? Когда ты в комнате, битком набитой людьми, но тебя никто не видит? Это какой род?

Голос помолчал. Впервые за все сны он помолчал так долго, что сновидец успел сосчитать до ста трёх.

— Это не род, — наконец сказал Голос. — Это школа. Ты приходишь в эту комнату, чтобы научиться одному: твоё одиночество не станет меньше, если к нему прибавить чужие голоса. Оно станет только тяжелее. Как вода, в которую бросили камни. Воды не прибавилось, а колыхаться она начала.

6.

Потом сновидцу показали старика, который сидел на лавочке и кормил голубей. Голубей было много, они дрались за крошки, ворковали, хлопали крыльями. Старик смотрел на них и улыбался. Но когда последний голубь улетел, старик не встал, не пошёл домой. Он остался сидеть, сложив руки на коленях. И на его лице не было печали. Было спокойствие, какое бывает у воды, когда она останавливается и становится зеркалом для неба.

— Это высший род, — сказал Голос. — Одиночество, которое не ищет компании, не боится тишины и не требует звуков. Оно просто есть. Как дерево, которое растёт одно на поле. Оно не страдает, потому что не знает, что такое «другое дерево». Оно просто растёт. И тень у него своя, и листья свои, и корни — глубоко, до самой подземной реки.

7.

Перед пробуждением сновидец увидел себя. Он лежал на кровати, в той самой комнате, с того самого боку, с какого начал сон. Но теперь луна взошла. И при её свете он разглядел, что рядом с его подушкой лежит вторая подушка. Пустая. Не смятая. Но на ней — тонкий слой лунной пыли, как будто кто-то невидимый только что встал и ушёл.

Сновидец дотронулся до второй подушки. Она была тёплой.

Голос сказал последнее (и в голосе впервые послышалась улыбка, усталая, но настоящая):

— Ты думал, что ты один. А здесь просто кто-то другой спал на другой подушке и не мешал тебе. Он встал раньше. Он всегда встанет раньше. Он — это ты. Тот, кто проснётся через секунду после того, как ты перестанешь читать этот сон. И он скажет: «Как хорошо, что я один. Потому что одному можно не просыпаться окончательно. Можно просто лежать и слушать, как тишина густеет до густоты мёда».

8.

Сновидец проснулся. В комнате никого не было. Но на второй подушке он нашёл одну вещь: маленькую вмятину, точно такую же, как у него на собственной подушке, но зеркально отражённую. Он положил ладонь на эту вмятину. Ладонь легла идеально.

Тогда он понял, что одиночество — это не отсутствие другого. Это присутствие себя в таком объёме, что для другого просто не остаётся места. Не потому, что тесно. А потому, что всё уже занято.

Занято тишиной, которая не скрипит.

Легенда записана со слов человека, который после этого сна перестал бояться одиночества. Он сказал: «Теперь я знаю, что моя вторая подушка всегда тёплая. Просто тот, кто на ней спал, не хочет меня будить. И я его за это очень люблю. Хотя никогда не видел».

Луна в ту ночь так и не взошла. Но это никого не расстроило.

Легенда про сон, где детство измеряется количеством шёпота, который не забыл, куда спрятался

(снилось тому, кто уже вырос, но иногда, засыпая, складывает руки так же, как в три года, и не замечает этого)

1.

В ту ночь луна была не на небе, а в луже. Сновидец стоял над лужей и смотрел вниз. Луна под ногами была больше, чем над головой. Он нагнулся, чтобы потрогать её, но палец разбил отражение на множество мелких лун, которые разбежались, как ртуть, и собрались снова через три удара сердца.

Голос (тот же, но теперь без возраста — он мог быть и дедушкой, и пятилетним ребёнком) сказал:

— Сегодня мы будем измерять не то, что было. Сегодня мы измерим то, что осталось от того, чего уже нет.

2.

Сновидцу показали комнату. В этой комнате всё было слишком большим: кровать — как поле, стол — как стадион, дверная ручка — на высоте вытянутой вверх руки, хотя рука была вытянута, но не доставала. В углу стоял плюшевый медведь, у которого отвалился глаз. Второго глаза не было вовсе, но медведь не жаловался.

— Это детство первого рода, — сказал Голос. — Время, когда всё больше тебя. Взрослые кажутся башнями, минуты делятся часами, а одна ссора на площадке помнится, как война. Из такой комнаты выходишь с замиранием: а вдруг за дверью всё ещё огромное? А там — нормальное. И это первая печаль.

3.

Потом ему показали карман. Не просто карман, а карман летней куртки, которую носили в семь лет. В кармане лежали: мёртвая муха в спичечном коробке, камушек с блестящей искрой, фантик от ириски (уже без ириски, но с запахом), и одна тайна, которую нельзя назвать, потому что у неё не было слов, только ощущение — тёплое и колючее одновременно.

Сновидец спросил:

— Это сокровища?

— Это единицы измерения, — ответил Голос. — В детстве всё измеряется не в сантиметрах и килограммах, а в количестве важных вещей, которые можно унести в одном кармане. Взрослый унесёт ключи, телефон и кошелёк. Ребёнок унесёт целый мир. Потому что его мир мельче, но плотнее. Как чёрная дыра.

4.

В третьем сне не было ничего. Совсем. Ни стен, ни пола, ни неба. Только свет — ровный, без направления, как молоко, пролитое на всё. В этом свете сновидец не мог найти себя, потому что не было ни верха, ни низа, ни отражения. Но он не боялся. Он чувствовал, что это самое безопасное место в его жизни.

— Это детство нулевого рода, — прошептал Голос (он впервые шептал, потому что громкий голос разбил бы эту хрупкость). — То, что было до того, как ты запомнил. До первого испуга. До первой лжи. До слова «моё». В этом свете ты был всем и ничем одновременно. И ты туда никогда не вернёшься. Но иногда — во сне или в болезни — этот свет подходит близко. Он не лечит. Он просто показывает: то, что было до боли, не исчезло. Оно превратилось в прозрачность.

5.

Потом сновидцу показали лестницу. Длинную, деревянную, с перилами, которые шатаются. Он начал подниматься. На каждой ступеньке лежала вещь: соска, сломанная машинка, чулок с дыркой, первая тетрадка с двойкой, школьная форма, которая уже мала. Он хотел поднять эти вещи, но пальцы проходили сквозь них, как сквозь дым.

— Не трогай, — сказал Голос. — Это не вещи. Это вес. Каждая ступенька — это год, когда ты переставал быть ребёнком. Ты не можешь взять их с собой. Но ты можешь остановиться на любой и посидеть. Даже сейчас, во сне, ты сидишь на пятой ступеньке дольше всего. Потому что на пятой у тебя впервые разбили сердце. И ты решил, что детство кончилось. Но оно кончилось позже. Оно кончается каждый раз, когда ты перестаёшь удивляться.

6.

В самом странном отрывке этого сна сновидец увидел себя старого. Себя с морщинами, с седыми волосами, с руками, которые помнят много всего. И этот старый смотрел на маленького мальчика, который стоял перед ним на коленях. Мальчик плакал. Старый не утешал. Он просто смотрел. И вдруг мальчик перестал плакать, потому что узнал в этом старом самого себя. Не будущего, а того, кто всегда с ним, просто спрятан глубоко, как луна в колодце.

— Детство не кончается, — сказал Голос. — Оно уменьшается. Становится размером с кедровый орешек, который лежит где-то между рёбрами. Иногда он прорастает. И тогда ты можешь полчаса разглядывать муравья, плакать над раздавленной улиткой или строить шалаш из одеяла. Это не регресс. Это орешек напомнил, что он жив.

7.

Перед пробуждением сновидец сунул руку в карман (того самого, летнего). Нашупал там камушек, фантик и сухую муху. Он понял, что всё это настоящее. Что он носит эти сокровища с собой уже тридцать лет, просто забыл, в каком кармане.

Он проснулся и первым делом сунул руку в карман домашних штанов. Там была только зажигалка и старая квитанция. Но на секунду ему показалось, что квитанция пахнет ириской.

Он не выбросил квитанцию.

Эпилог к детству

Утром он нашёл на полу одну вещь: маленький деревянный кубик с буквой «Д». Он не помнил, откуда кубик. Поставил его на подоконник. К вечеру кубик исчез. На подоконнике осталась только вмятина. Если приложить ухо к этой вмятине, можно услышать — очень далеко и очень отчётливо — как кто-то строит башню и радуется, когда она падает.

Легенда про сон, где тишина измеряется количеством не выпавшей ртути

(снилось глухому от рождения, но во сне он слышал всё. И это было так невыносимо прекрасно, что он попросил больше никогда не посылать ему таких снов)

1.

Луны не было. Но и темноты не было. Был свет без источника — такой, какой бывает перед грозой, когда небо ещё не решило, рвать или терпеть. Сновидец стоял на берегу реки. Река текла без звука. Не потому, что он не слышал, а потому, что вода договорилась с камнями не шуметь.

Голос (в этот раз Голос был не снаружи, а внутри, как будто кто-то говорил прямо из позвоночника) произнёс:

— Тишину нельзя измерить, потому что она не отсутствует. Она присутствует. Просто её присутствие не требует подтверждения. Сегодня мы попробуем измерить то, что не даёт себя измерить.

2.

Сновидцу показали комнату, полную людей. Люди говорили, махали руками, смеялись, спорили. Но сновидец не слышал ни слова. Он видел движение губ, видел, как взлетают брови, как хлопают ладони — но всё это было беззвучно, как немое кино. И тогда он понял: тишина — это не когда ничего нет. Тишина — это когда всё есть, но на другой частоте.

— Тишина первого рода, — сказал Голос. — Когда гул мира продолжается, но ты выключил приёмник. Это не медитация. Это отключение. Некоторые живут так годами, не замечая, что их собственный голос тоже стал беззвучным.

3.

Потом ему показали лес. Настоящий лес, где каждое дерево могло бы скрипеть, каждая ветка — ломаться, каждая птица — петь. Но ничего этого не происходило. Не потому, что лес молчал, а потому, что звуки не успевали родиться. Они застревали в коре, в мхе, в воздухе, который был слишком густым для колебаний.

Сновидец пошёл по лесу. Под ногой хрустнула ветка. Хруста он не услышал, но почувствовал вибрацию в зубах. И понял, что тишина бывает плотной, как смола. В такой тишине можно утонуть. Или можно построить дом.

— Тишина второго рода, — сказал Голос. — Лес, который договорился с собой не шуметь, чтобы лучше слышать, как растут грибы. Грибы, кстати, растут с лёгким свистом, но этот свист настолько высок, что его слышат только кроты.

4.

В третьем сне было море. Безветренное, без волн, без чаек. Море лежало как стекло. И в этом стекле отражалось небо. Но небо было таким же стеклянным. Сновидец не мог понять, где кончается одно и начинается другое. Он стоял на границе, но граница была нарисована.

— Тишина третьего рода, — сказал Голос тихо-тихо. — Та, которая не имеет границ. Море и небо слились в одну поверхность, и единственное, что их разделяет, — это ты. Ты стоишь, и пока ты стоишь, есть верх и низ. Как только ты уйдёшь, всё станет одним. И это будет уже не тишина. Это будет молчание. Молчание — это тишина, в которой никто не может проснуться.

5.

Сновидец спросил (мысленно, потому что голос внутри уже понял, что звук не нужен):

— А какая тишина самая тяжёлая?

Ему показали похороны. Не его собственные — чужие. Люди стояли вокруг гроба, открывали рты, закрывали рты. Кто-то плакал, но слёзы падали беззвучно, как будто закон тяготения тоже решил помолчать. В центре стояла женщина. Она не плакала. Она просто смотрела на гроб, и её тишина была такой густой, что её можно было резать ножом.

— Эта, — сказал Голос. — Тишина того, кому нечего сказать, потому что всё уже сказано. Она весит как свинец. Но если её поднять, под ней окажется... ничего. Ни боли, ни облегчения. Только пустота, которая тоже вес не имеет.

6.

Потом сновидцу показали музыку. Не саму музыку, а то, что остаётся после неё. Когда последняя нота улетела в форточку, а пальцы пианиста ещё лежат на клавишах, но уже не давят. В этом промежутке — между звуком и следующим звуком — живёт то, что музыканты называют «пауза с душой». Эта пауза слышна только тем, кто умеет ждать.

Сновидец услышал эту паузу. Она была тёплой, как дыхание спящего ребёнка.

— Тишина четвёртого рода, — сказал Голос. — Та, которая не пугает, не давит, не лечит. Она просто рядом. Как старый пёс, который лежит у ног и не требует, чтобы его гладили. Он просто дышит. И этого достаточно для целого вечера.

7.

Перед пробуждением сновидец оказался в пустой комнате, но не той, где раньше. Это была комната, в которой все стены были из тишины. Он мог опереться на тишину спиной. Мог положить на неё голову. Мог пошептать что-то в тишину, и тишина не повторяла, но и не проглатывала. Она хранила его слова в себе, как земля хранит семена, которые прорастут через сто лет.

Голос сказал последнее (и в голосе была улыбка, но без слёз):

— Ты боялся тишины, думая, что она — отсутствие. А она — присутствие, с которым можно не разговаривать. Она не обижается. Она просто ждёт, пока ты устанешь от слов. И тогда она нальёт тебе чаю. Без звука заварки. Без звона ложки. Просто чай, который уже в руке, потому что ты не слышал, как его наливали.

8.

Сновидец проснулся от того, что в комнате было слишком тихо. Обычная тишина — с шумом холодильника, с дальними сигналами машин, с дыханием соседей за стеной. Ему стало тесно в этой тишине после той, настоящей. Он включил радио. Радио шипело. Он выключил радио. И в этом шипении, которое осталось в ушах, он вдруг услышал то, чего никогда не замечал: как тишина обычной комнаты имеет цвет. Серый, с синим отливом.

Он закрыл глаза и постарался увидеть ту, настоящую тишину — густую, как лесная смола, и тёплую, как пауза между нотами.

Не увидел. Но услышал.

Или ему показалось?

Какая разница.

Эпилог к тишине

Через неделю он забыл этот сон. Но когда он выключал свет перед сном, он на секунду замирал, прислушиваясь. К тому, чего нет. И однажды ему показалось, что тишина ответила. Не словом. Не звуком. Просто чуть-чуть изменила плотность, чтобы он знал: она здесь. И ей не нужно, чтобы он что-то говорил. Ей нужно, чтобы он был.

Он был.

И этого хватило на всю следующую жизнь.

Легенда про сон, где дом измеряется количеством дверей, которые не заперты, но и не открыты

(снилось человеку, который не помнил своего адреса, но легко находил дорогу к чужому крыльцу)

1.

Луна в эту ночь висела над крышами, как забытая шляпа. Сновидец шёл по улице, на которой все дома были похожи, но один дом дышал. Не окнами — стенами. Стены чуть вздымались и опадали, как бока спящей собаки. Сновидец подошёл к этому дому. Дверь не имела ручки, но открылась сама, когда он подумал: «можно?»

Голос (усталый, как половица, по которой ходили сто лет) сказал:

— Сегодня мы не будем строить. Сегодня мы будем возвращаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.